

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'25

ББК 81.18

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-7-24

«ТАКОЙ НАУКИ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ». К ЭПИСТЕМОЛОГИИ НАУКИ О ПЕРЕВОДЕ

Николай Константинович Гарбовский

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Для контактов: nikolay.garbovskiy@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена 70-летию выхода в свет статьи известного советского лингвиста А.А. Реформатского «Вопросы теории перевода», сыгравшей немалую роль в определении статуса науки о переводе в системе отечественного гуманитарного научного знания. В статье рассматриваются концепция А.А. Реформатского по отношению к теории перевода как области научного знания, сложившаяся на основе лингвистических представлений середины XX в., и его трактовка некоторых теоретических вопросов перевода с позиций науки о переводе начала XXI в.

Ключевые слова: Реформатский А.А., теория перевода, лингвистические вопросы перевода

Для цитирования: Гарбовский Н.К. «Такой науки быть не может». К эпистемологии науки о переводе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 4. С. 7–24. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-7-24

Статья поступила в редакцию 13.12.2022;
одобрена после рецензирования 23.01.2023;
принята к публикации 15.02.2023.

“THERE CAN BE NO SUCH SCIENCE.” TOWARDS THE EPISTEMOLOGY OF THE SCIENCE OF TRANSLATION

Nikolai K. Garbovsky

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: nikolay.garbovskiy@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the 70th anniversary of the publication of the article by the famous Soviet linguist A.A. Reformatzky “Issues of the Theory of Translation”, which played a significant role in determining the status of the science of translation in the system of Russian humanitarian scientific knowledge. The article discusses the concept of A.A. Reformatzky in relation to the theory of translation as a field of scientific knowledge, his interpretation of some theoretical issues of translation from the standpoint of linguistics at the beginning of the second half of the 20th century.

Keywords: A.A. Reformatzky, translation theory, linguistic issues of translation

For citation: *Garbovskiy N.K.* (2022) “There can be no such science.” Towards the epistemology of the science of translation. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda.* — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 4. P. 7–24. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2022-4-7-24

The article was received December 13, 2022;
approved after reviewing January 23, 2023;
accepted for publication February 15, 2023.

В конце 1952 г. один из ведущих советских филологических журналов — *Иностранные языки в школе* — в шестом номере, завершающем год, опубликовал статью авторитетного советского лингвиста А.А. Реформатского «Лингвистические вопросы перевода». Выдающийся учёный и педагог, по учебнику которого познавало науку о языке не одно поколение советских языковедов¹,

¹ *Реформатский А.А.* Введение в языковедение, 1947. Дальнейшие издания выходили под заголовками «Введение в языкознание» и «Введение в языковедение». Редактор издания учебника 1996 г. В.А. Виноградов в статье «Александр Александрович Реформатский и его книга», открывавшей новое издание, писал: «Именно то обстоятельство, что книга написана не просто блистательным педагогом, но одним из виднейших отечественных языковедов, сразу сделало её чем-то большим, чем просто учебником для начинающих филологов. К ней часто и охотно обращались вполне зрелые учёные разных лингвистических (и не только) специальностей,

отметив, что для Советского Союза «проблема перевода представляет самоочевидную необходимость; это вызывается и международной обстановкой, и внутрисоюзной многонациональностью, и освоением мировой и художественной классики» (Реформатский, 1952: 12), обращается к эпистемологии знания о переводе: «Поэтому, естественно возникает вопрос относительно науки о переводе. Есть ли такая наука и может ли она быть?» (Там же). И даёт однозначный ответ в весьма категоричной форме: «Такой науки быть не может. Практика перевода может пользоваться услугами многих наук, но собственной науки иметь не может. Это вытекает из разнообразия типов и жанров перевода» (Там же). Реформатский сравнивает специальный научный перевод с поэтическим, филологический перевод классиков с переводом в гидах и разговорниках и заключает: «Общего знаменателя у этих разноделимых величин нет» (Там же).

В этом чрезмерно категоричном тезисе сформулирована концепция Реформатского по отношению к переводу как объекту научного знания: отсутствие общих закономерностей у различных видов, типов, жанров перевода делает невозможным определение предмета науки о переводе. При этом Реформатский отнюдь не отрицает необходимость теоретического осмысления проблем перевода: «Однако есть **одна**² наука, — утверждает он, — которая, никак не претендуя на звание «науки о переводе», может быть полезна для любого типа и жанра перевода. Это — лингвистика» (Там же).

Реформатский определяет и область, в рамках которой должно осуществляться «первое научное осмысление проблем перевода» (Там же), этой областью объявляется «дифференциальное сопоставление языков в разрезе их структуры», что в современных терминах может быть определено как сопоставительное языкознание.

Реформатский строит классический силлогизм: перевод существует потому, что языки разные; языки разнятся своими структурами, следовательно, для понимания перевода необходимо понимание межъязыковых различий на разных уровнях языковой структуры.

Развивая идею о том, что лингвистика способна решить все проблемы перевода, Реформатский рассматривает некоторые вопросы

когда им требовалась ссылка на авторитетное мнение общего лингвиста, особенно в области фонологии, в развитии которой А.А. Реформатский сыграл выдающуюся роль как один из создателей и теоретиков Московской фонологической школы» (См.: Реформатский, Введение...).

² Выделено мной — Н.Г.

перевода «исключительно с точки зрения лингвистической проблематики» (Там же) и приводит примеры межъязыковой асимметрии, проявляющейся в реальных фактах переводческой практики.

Скрупулёзный лингвистический анализ фактов межъязыковой асимметрии, безусловно, убеждает в том, что переводной материал в сопоставлении с оригиналом представляет собой неисчерпаемый и чрезвычайно важный источник лингвистических фактов для сопоставительного языкознания и лингвистической науки в целом. Но остаётся вопрос: действительно ли он способен предложить обоснованные решения всех проблем, возникающих в процессе реального перевода? Из этого вопроса логически вытекает следующий: каково соотношение собственно лингвистических и иных, социологических, культурологических, исторических, психологических и др. причин, обуславливающих переводческие решения и вызывающих переводческие ошибки? И, наконец, последний вопрос: не проявляются ли в этих примерах переводческих случаев, подобранных Реформатским по определённым лингвистическим критериям, более общие закономерности переводческих решений, понимание которых требует системных решений на основе междисциплинарного знания, т.е. особой отрасли научного знания — науки о переводе.

Кратко остановившись на том, чем различаются языки, Реформатский высказывает весьма важную для теории и дидактики перевода мысль о том, что нередко в текстах, сталкивающихся в переводе, внешне подобное, казалось бы, аналогичное, содержит серьёзные различия, способные привести к смысловым и стилистическим искажениям: «Гораздо труднее изыскать и обосновать те случаи, когда в языках есть что-то общее, а не разное» (Там же: 13). Реформатский обращается к лингвистическим причинам возникновения такого обманчивого подобия, называя в качестве таких причин общность происхождения в родственных языках, параллельное заимствование и случайное межъязыковое подобие фонетических форм, т.е. «межъязыковую омонимию».

Начиная анализ переводческих проблем в сфере близкородственных языков, Реформатский приводит пример украинского слова в звательном падеже — *мамо!* Сославшись на авторитет К.И. Чуковского — «Уже давно К.И. Чуковский правильно указал, что украинское «мамо!» нельзя переводить русским «мама!» (Там же), — он даёт лингвистическое объяснение причин межъязыковой асимметрии в пределах этих форм и заключает, что если бы украинское *мамо* соответствовало русскому *мама*, то «тогда запорожцы, спутники Гоголевского кузнеца Вакулы не могли бы обратиться

с этим «мамо» к Екатерине II, а они всё-таки обратились, так как «мамо!» — это не *мама!*, а *матушка!*».

Категоричность вывода настораживает. Прежде всего возникает вопрос, о каком переводе идёт речь, если текст повести Гоголя «Ночь перед Рождеством» написан на русском языке, и обращение запорожцев в Екатерине II не что иное, как иноязычное (украинское) вкрапление «мамо!» в русском литературном тексте:

«Запорожцы вдруг все пали на землю и закричали в один голос:

— Помилуй, мамо! помилуй!

Кузнец, не видя ничего, растянулся и сам со всем усердием на полу.

— Встаньте, — прозвучал над ними повелительный и вместе с тем приятный голос. Некоторые из придворных засуетились и толкали запорожцев.

— Не встанем, мамо! не встанем! умрём, а не встанем! — кричали запорожцы» (см.: Гоголь).

В гоголевском тексте нет ни *мамы*, ни *матушки*. Следовательно, речь идёт не о переводе, а о явлении межъязыковой асимметрии в группе сходно звучащих (*мамо/мама*) и функционально аналогичных (обращение) форм близкородственных языков. Вероятно, пример служит предостережением будущим переводчикам, некой рекомендацией, подтверждающей положение о том, что лингвистика «может быть полезна для любого типа и жанра перевода». Но в этом случае возникает другой вопрос: всегда ли действительно «мамо!» — это не *мама!*, а *матушка!*», т.е. всегда ли в переводе с украинского языка на русский следует осуществлять эту замену? Можем ли мы, например, использовать эту рекомендацию для перевода следующих строк украинской песни «Журавлі»:

«Мамо, мамо! — він крикнув криком журавлиним,

Мамо, мамо, і янголом злетів у вись»³.

Следовательно, предложенный Реформатским лингвистический комментарий (общность корня, сохранение в украинском языке общеславянской формы звательного падежа и её соответствие форме именительного падежа в русском языке) оказывается недостаточным для принятия решения переводчиком.

Чуковский, на авторитет которого ссылается Реформатский, вовсе не указывал на то, что украинское *мамо* нельзя переводить русским *мама*, а рассматривал конкретный случай, когда такая замена невозможна, при этом показал социальные, этические, причины неуместности замены, лежащие в основе асимметрии не грамматических, а стилистических систем двух близкородственных языков:

³ Текст песни *Білоконь Олены — Журавлі*.

«Когда украинец говорит слово «мамо» или «мати», для его языкового сознания эти слова находятся в полной гармонии со словами самого высокого стиля. Поэтому Шевченко в своём подражании пророку Осии мог среди торжественных библейских восклицаний написать и такое:

Воскресни, мама!

Но когда Сологуб перевёл этот возглас:

Воскресни, мама! — у него получилось водевильно-пародийное смешение стилей, потому что для русского языкового сознания слово «мама» — комнатное, интимное слово, столь же неуместное в библейской торжественной речи, как, например, мамаша или маменька. Стилистическая неадекватность двух одинаково звучащих слов здесь очевидна для каждого»⁴.

Иначе говоря, украинское *мамо* находится в гармонии не только со словами самого высокого стиля, но вполне приемлемо и в обстановке интимности, т.е. его стилистический потенциал выше, чем у русского слова *мама*.

Проблема же для теории перевода состоит не только в констатации стилистической асимметрии близкородственных языков, что безусловно важно для перевода, но и в социальном, этическом и историческом обосновании переводческого решения о выборе той или иной формы для передачи иноязычных вкраплений в конкретной коммуникативной ситуации.

Пример с гоголевскими запорожцами, приведённый Реформатским, представляет интерес для анализа переводческих решений и за пределами пары близкородственных языков. В частности, перевод этого фрагмента на французский язык показывает, какие собственно переводческие проблемы могут возникнуть. Переводчик для передачи украинского обращения использует форму *petite Mère*:

Brusquement, tous les Zaporogues s'aplatirent à terre en criant d'une seule voix:

— Aie pitié de nous, *petite Mère*⁵, aie pitié de nous !

— Relevez-vous ! fit entendre au-dessus d'eux une voix impérieuse, mais en même temps agréable.

Quelques-uns des courtisans s'empressèrent et poussèrent les Zaporogues.

— Nous ne nous relèverons pas, *petite Mère*, plutôt mourir que de nous relever ! (Gogol).

⁴ Цит. по изданию Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 3: Высокое искусство; Из англо-американских тетрадей / Сост. Е. Чуковской и П. Крючкова. 2-е изд., электронное, испр. и дополн. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. С. 55.

⁵ Здесь и далее в примере выделено мной — Н.Г.

Французские переводчики делают ошибку, аналогичную той, о которой предупреждал Чуковский русских переводчиков, работающих с украинскими текстами: украинское «мамо» они передают как *petite Mère*, т.е. домашней, даже несколько фамильярной, покровительственной формой обращения к **своей** матери⁶, и не учитывают того, что украинская форма может гармонировать и со словами самого высокого стиля. Выбор переводчиков полностью искажает социальную модель взаимоотношений русской императрицы и запорожских казаков.

Но этим переводческая проблематика выбора данной формы для французских переводчиков не исчерпывается. Возникает вопрос, как поймёт данный фрагмент житель центральной Африки, для которого *petite Mère* — это младшая сестра матери⁷, или житель Мали, для которого данная форма обозначает младшую жену отца в полигамном браке⁸. Вопрос ориентирования перевода на различные группы читателей относится к прагматике перевода. Решения переводческой задачи обуславливается не только лингвистическими, но и социальными, а также культурно-антропологическими причинами.

Вторая и третья группы проблем, на которые обращает внимание Реформатский, возникающих при параллельном заимствовании и в результате случайных межъязыковых совпадений форм, т.е. при «межъязыковой омонимии». С точки зрения лингвистики такие формы, нередко обозначаемые как «ложные друзья переводчика», в самом деле требуют систематизации и представления в лексикографических работах, что и было сделано лингвистами в последующие годы для разных пар языков. Но с точки зрения теории перевода проблему необходимо изучать ещё и в психологическом ракурсе, а именно как проблему переводческого внимания и переводческого чтения.

Нельзя не согласиться с замечанием Реформатского о сложности передачи в переводе явлений ономапии. Констатируя межъязыковую асимметрию единиц звукоподражания (в частности, звуков, издаваемых животными), Реформатский заключает: «В таких случаях никак нельзя транскрибировать, а именно переводить и

⁶ Formule très familière à f., appellatif familial et paternaliste, appellatif amical (à f.); appellatif amical à sa mère [https://www.languefrancaise.net/Bob/47224]

⁷ Tante maternelle, sœur cadette de la mère (Centrafrique) (См.: <https://www.dictionnairedesfrancophones.org/form/petite%20mère/sense/inv%3Aentry%2F4191%2Fen%2F0%2Ffs%2F2/countries>)

⁸ Pour les enfants d'un polygame. Épouse du père plus jeune que leur mère (Mali) (См.: <https://www.dictionnairedesfrancophones.org/form/petite%20mère/sense/inv%3Aentry%2F4191%2Fen%2F0%2Ffs%2F2/countries>)

знать, как переводить» (Реформатский, 1952: 14). Нельзя не согласиться с Реформатским в том, что в данном случае транскрипция не всегда уместна, но остаются два вопроса. Первый вопрос: что понимает Реформатский под термином «переводить»? Можно предположить, что под переводом в данном случае понимается замена иноязычного звукоподражания соответствующей идиоматичной формой языка перевода, т.е. нахождение эквивалентной формы, традиционно закреплённой в языке перевода в качестве обозначения тех или иных звуков. Сопоставительная лингвистика констатирует межъязыковую асимметрию в представлении звуков окружающего нас мира, и предостерегает переводчика об опасности неверных решений. Межъязыковая асимметрия проявляется не только в обозначении звукоподражаний транскрипциями (немецкое *bau-bau*, английское *bow-wow*, русское *гав-гав*), но и в несовпадении комплексов звукоподражательных слов языков, сталкивающихся в переводе. Если первое различие связано, возможно, с вариативностью слухового восприятия людьми, проживающими в разных регионах мира, в разных условиях окружающей среды и привыкшими слышать звуки разных языков и транскрибировать их по законам конкретного языка, то второе свидетельствует об асимметрии языковых картин мира и концептуальной категоризации явлений. Так, во французском языке производство звуков кроликом обозначается одним глаголом (*le lapin glapit*), а то же самое действие, производимое зайцем — другим (*le lièvre vagit*). В русской картине звучащего мира заяц может *кричать, рычать, пищать, ворчать, визжать, шипеть, бормотать и даже хрюкать*⁹. Констатация лакун в комплексах звукоподражательных слов тех или языков оказывается недостаточной. Реформатский настаивает: переводчик должен знать эти формы. Лингвистика способна помочь в этом переводчику. Её задача заключается в создании межъязыковых лексикографических источников, систематизирующих факты ономастопеи. Но за переводчиком останется выбор решения, объяснить который уже должна будет теория перевода на основе не только лингвистических, но и иных факторов.

Завершив анализ случаев межъязыковых несоответствий, доказывающих, что языки разные, Реформатский выделяет две группы вопросов, наиболее важных для рассмотрения перевода в лингвистическом плане: элементы перевода и типы перевода (Там же). Под элементами понимаются «качественно отличные единицы, слагаемые (термины, собственные имена, диалектизмы, арготизмы, калам-

⁹ См. напр.: «Какими звуками общаются зайцы» (<https://litbro.ru/interesnoe/zvuki-zajtsa?ysclid=ldmyo1qidn615726044>)

буры, архаизмы, неологизмы и т.п.); под типами — речевые жанры, соответствующие разным заданиям (разговорная диалогичная речь, стихи, научно-технические тексты, философские и т.д.)» (Там же).

Сама постановка вопроса об элементах перевода представляется весьма важной как для теории перевода, так и для переводческой практики. Реформатский анализирует шесть групп элементов: 1) нейтральные слова; 2) диалектизмы, профессионализмы, провинциализмы, просторечия, арготизмы, разговорные варианты, вульгаризмы, архаизмы, варваризмы, неологизмы и т.п.; 3) собственные имена; 4) каламбуры; 5) термины; 6) идиомы.

Выделение «элементов перевода» есть не что иное, как попытка определения одной из важнейших категорий науки о переводе — единицы перевода. Реформатский в качестве элементов перевода называет языковые единицы разных уровней: слова (нейтральные слова, диалектизмы, профессионализмы, провинциализмы, просторечия, арготизмы, разговорные варианты, вульгаризмы, архаизмы, варваризмы, неологизмы, собственные имена, термины), фразеология (идиомы) и предложения (каламбур), что, безусловно важно для решения вопроса о единице перевода. Позднее, уже в рамках лингвистической теории перевода Л.С. Бархударов справедливо отмечал, что единицы перевода оказываются различными как по сложности выражаемых ими значений, так и по своей протяжённости, представляют собой категорию переменную и что в разных ситуациях в качестве единицы перевода может выступать та или иная единица языка (Бархударов, 1975: 175).

Говоря о нейтральных словах языков, Реформатский замечает, что «состав основного словарного фонда разных языков далеко не всегда совпадает», и делает весьма важный вывод, позволяющий понять, что для него является переводом: «основной фонд чужого языка приходится переводить иными средствами словарного состава» (Там же). Иначе говоря, по Реформатскому, перевод — это передача слов одного языка словами другого языка. В этой связи возникает целый ряд вопросов.

Первый вопрос: разве переводчик переводит слова словарного фонда, а не тексты? Ответ на этот вопрос очевиден: ни одна единица не переводится в отрыве от материи переводимого текста. Современник Реформатского лингвист и переводчик А.В. Федоров настаивал на этом, утверждая диалектическое единство части и целого в переводе. Перевод трактовался не как последовательность отдельных единиц, в большей или меньшей степени соответствующих единицам текста оригинала, а как определённым образом сложившаяся система, в которой «характер соотношения между отдельным и це-

лым является едва ли не основным и важнейшим элементом» (Федоров, 1952: 19). Позднее, один из классиков отечественной науки о переводе лингвист с большим переводческим опытом А.Д. Швейцер писал: «Что же касается процесса перевода, то он никак не может быть представлен как простое соединение единиц. Здесь имеют место куда более сложные операции» (Швейцер, 1973: 71).

Второй вопрос: не является ли межъязыковая лексико-семантическая асимметрия наиболее частым случаем межъязыковых отношений независимо от степени их развития, и постоянно требует трансформационных переводческих решений? И наконец, третий: какими **иными** средствами следует переводить, когда словарные фонды не совпадают? Способна ли, например, лингвистика ответить на вопрос о том, как будут переводить на современный русский язык с французского или английского языков тексты, описывающие эротические сцены, переводчики с разными этическими и эстетическими взглядами, разного культурного уровня, учитывая, что язык перевода, традиционно более целомудренный, чем языки оригинала, и не слишком щедр на формы для описания подобных сцен¹⁰. Как, по каким критериям качества оценить новый перевод романа Сэлинджера “The Catcher in the Rye”, опубликованный в 2008 г.¹¹

Где граница выбора иного средства, отделяющая обоснованное переводческое решение от отсебятины? Если первый и второй вопросы относятся к области лингвистики, то третий — к теории перевода. У лингвистики ответа на этот вопрос нет. Именно теория перевода, учитывающая лингвистические особенности тех или иных единиц перевода, ищет обоснованные закономерные решения этих непростых вопросов с учётом не только лингвистического, но и исторического, социально-ролевого, этического, эстетического контекстов столкновения форм выражения двух языков в переводе.

Существенным для теории перевода оказывается и вопрос о «прочем» словарном составе. Лингвистика констатирует наличие особых языковых форм — диалектизмов, профессионализмов, провинциализмов, просторечий, арготизмов, вулгаризмов, архаизмов и т.п. Но способна ли она дать ответ на вопрос о том, достаточно ли в переводе диалектизмов ограничиться только демонстрацией отклонения от литературной нормы, или же следует понять, чем диалектальная форма оригинала отличается от нормативной, и попробовать установить подобную корреляцию в тексте перевода?

¹⁰ Пример трудных переводческих разысканий см., напр., в русском переводе романа Г. Миллера «Под крышами Парижа» (Миллер, 2009).

¹¹ Перевод М. Немцова, озаглавленный «Ловец на хлебном поле», появился в 2008 г.

В очередной раз вопросы лингвистики переплетаются с вопросами теории перевода, которая на основе анализа доказательного множества случаев может показать закономерности переводческого выбора, обосновать их и дать рекомендации практике.

Чем заменить в переводе на русский язык вкрапления богатейшего французского арга в литературном тексте? Может ли их компенсировать в переводе русский мат? Это также вопросы не собственно лингвистические. Они, скорее, этические, т.к. отражают этические отношения между тремя главными актантами перевода литературного произведения: автора — читателя-переводчика — читателя перевода.

Особые элементы в большей степени нежели элементы нейтральные отражают историю и своеобразие культуры того или иного народа. Соответственно, для принятия обоснованного переводческого решения лингвистическая информация, безусловно, полезная для перевода, непременно должна дополняться информацией культурологической, исторической и социологической.

Нельзя не согласиться с Реформатским в том, что «одним из очень каверзных вопросов в области «элементов перевода» являются собственные имена» (Там же: 16). Но даже те примеры передачи топонимов в переводе демонстрируют не собственно лингвистические, а переводческие проблемы. Реформатский пишет, что «если, например, текст, подлежащий переводу не современный, а исторический, где для определённых эпох Ревель (или даже Колывань) нельзя обозначать Таллином, где следует строго различать периоды Дерпт — Дорпат — Юрьев — Тарту» (там же). Но это уже не проблема лингвистики не проблема истории языка, а проблема соотношения переводчиком истории народа и исторически закреплённого наименования топографического объекта для выбора соответствия в переводе конкретного текста для конкретного читателя. Попутно возникает вопрос о том, следует ли переводчику исторического текста давать дополнительные разъяснения для читателя-современника.

Реформатский приводит множество интересных «случаев» из области ономастики, заставляющих переводчика задуматься. В самом деле, реальная и вымышленная топонимика, таинства антропонимики. «При переводе личных имён (имён, прозвищ, фамилий) каждый раз переводчику приходится думать: транскрибировать или переводить?» (Там же: 17) — заключает он, ведь, лингвистика ответа на этот вопрос не даёт. Более того, возникает вопрос, почему транскрипция противопоставляется переводу? Разве транскрипция не есть один из приёмов перевода? Или перевод всегда предполагает уход в область семантики внутренней формы имени

собственного? История переводческой практики показывает, что транскрипция, а также транслитерация, или даже смешанный способ¹² преобладают в передаче имён собственных в переводе, если по отношению к конкретному имени в языке перевода нет устоявшегося в традиции соответствия, которое могло бы служить эквивалентом для иноязычного имени. Попытка передачи семантики имени собственного текста оригинала средствами языка перевода — это также переводческая проблема, точнее, проблема выбора. Как передать на других языках игру слов в рассказе Лескова «Павлин». Лингвистика подскажет, что в русском языке лексема «павлин» имеет значения вида пернатых и используется также как мужское имя собственное — «Павлин». Более того, лингвистика подскажет, что в некоторых языках этому слову и в той, и в другой функции можно найти соответствия. Но, например во французском языке эти соответствия являются разными лексемами: Павлину, производному от имени Павел, скорее всего будет соответствовать транскрипция *Paulin*, а для птицы — её название *le paon*. Как перевести на французский следующую фразу текста рассказа, в которой раскрывается характеристика персонажа в сравнении с яркой расписной птицей?

«В расшитом галунами длинном ярко-синем сюртуке с капюшоном, в широкой, убранной галуном перевязи, в треугольной шляпе и с блестящею вызолоченною булавою в руках, Павлин был настоящий павлин, и притом самый нарядный павлин, способный поспорить с наилучшим экземпляром щеголеватой птицы, переделанной Юноною из Аргуса»? (Лесков).

Придётся задуматься и о переводе названия рассказа. Перевод названий художественных произведений — особая область теории перевода. Лингвистика не может объяснить, почему название романа Сэлинджера “*The Catcher in the Rye*” (буквально, «Ловец во ржи») в трёх переводах на русский язык имеет три соответствия: «Над пропастью во ржи», «Обрыв на краю ржаного поля детства», «Ловец на хлебном поле»¹³.

¹² Например, французское имя писателя *Guy de Maupassant* передаётся сейчас по-русски как *Ги де Мопассан*, в этом обозначении доминирует транскрипция, хотя и транслитерируется удвоенное *ss*, которое по-французски произносится как один звук, а в XIX в. имя писателя по-русски передавалось как *Гюи де-Мопасан* (ср.: «Собрание сочинений Гюи де-Мопасана», 1896), т.е. транслитерацией первой части имени и транскрипцией второй. Ни тот, ни другой способ не являются ошибочными и отражают установившиеся в языке перевода в определённую историческую эпоху традиции.

¹³ Перевод Р. Райт-Ковалёвой (1960) — «Над пропастью во ржи»; перевод С. Махова (1998) — «Обрыв на краю ржаного поля детства»; перевод М. Немцова (2008) — «Ловец на хлебном поле».

Игра слов рассматривается Реформатским отдельно, как особый элемент, суммарно обозначенный термином «каламбур». Вполне справедливому замечанию о том, что каламбуры — это «непереводимо», Реформатский противопоставляет задачу переводчика — «Однако переводить это надо» (Реформатский, 1952: 18), и даже предлагает приём — «Каламбуры надо «перетолковывать». С этим можно вполне согласиться, но с одной оговоркой: предложенный приём непосредственного отношения к лингвистике не имеет и зависит не только от выразительных возможностей языка перевода, но и от творческого потенциала переводчика.

Переводу терминов Реформатский уделяет меньше внимания, по сравнению с другими элементами, полагая, что терминология — «самый простой вопрос в практике перевода» (Там же). «Тут выбора нет, а есть очевидная необходимость», — заключает он. Проблема может возникнуть тогда, когда термин инкрустируется в текст художественного произведения. «В таких случаях, — отмечает Реформатский, — переводчику приходится уже думать и выбирать и может быть, иногда пренебречь точным соответствием переводимого термина переведённому, а дать другой термин, который будет стилистически более адекватен подлиннику, хотя предметно и неверен» (Там же: 19). Лингвистика подскажет варианты соответствий, но закономерности передачи терминов в художественном тексте, возможно, смогла бы показать теория перевода.

Последний элемент — идиоматика. Реформатский отмечает, что по поводу ошибок в переводе идиоматики сказано много, но утверждает, что «на этом участке вскрывается самое главное в лингвистической природе перевода», что «следует каждый случай перевода рассматривать как идиому» и что «правила лексических идиом следует распространить на все случаи перевода» (Там же).

Предложение рассматривать каждый случай перевода как идиому, т.е. ориентироваться прежде всего на национальную идентичность ресурсов языка перевода и при этом не сводить смысл переводимого текста к сумме значений составляющих его элементов вполне коррелирует с положением о полноценности перевода, выдвинутом Федоровым, предполагающим определённое равновесие между целым и отдельным» (Федоров, 1952: 19). Однако такой подход таит в себе и известные опасности. Во-первых, — опасность «одомашнивания» перевода, о которой предостерегал ещё в 1919 г. К.И. Чуковский, справедливо полагавший, что «обрусение иностранцев, обращение их в российское подданство, в малой мере всегда неизбежно, но в качестве принципа едва ли желательно» (Чуковский, 1919: 13). Во-вторых, — опасность превращения перевода в свободное переложение.

Проанализировав элементы перевода и принципы работы переводчика с каждым из элементов, Реформатский обращается к лингвистическим типам перевода, которые, по его мнению, «определяются наличием тех или иных элементов перевода и выяснением ведущих из них» (Реформатский, 1952: 19). При этом делает существенную оговорку: «наличие тех или иных слов или даже типов слов никак не определяет типа перевода» (Там же). Очевидная противоречивость этих положений, следующих буквально друг за другом, вызвана тем, что элементы перевода противопоставляются словам и типам слов, однако, именно слова и различные типы слов в первую очередь рассматривались в этой же статье как элементы перевода. Можно предположить, что Реформатский, как и Федоров, имел в виду соблюдение равновесия в переводе между целым и отдельным. Это подтверждается примером немецкого слова *Fichtenbaum*, которое в переводе ботанического текста будет передано терминологически точно словом «сосна», а в переводе стихотворения Гейне *Ein Fichtenbaum steht einsam*, где важна «не ботаническая реальность, а система образов и символов» (Там же), например, у Тютчева — словом «кедр».

Возможно, в этом противоречии проявляется и нечёткость позиции учёного по отношению к различению стилистики языка и стилистики речи.

Реформатский делит тексты, подлежащие переводу, на две группы: «терминологические и идиоматические, учитывая переходные разновидности» (Там же: 20) и делает важный вывод, о том, что «для квалификации типа перевода решающим оказывается речевой жанр, реализующий целевую установку того или иного высказывания и определяющий значимость материала данного текста, что можно констатировать по наличным» (Там же: 21).

Вывод о жанровой основе вариативности типов перевода согласуется с принятым в тот период взглядом лингвистов на стилистику как на основу для решения лингвистических вопросов перевода.

Заключительный раздел статьи, как и первый, озаглавлен вопросом. «Возможен ли перевод и когда он не нужен»¹⁴, спрашивает Реформатский. Ответ на первый вопрос не вызывает у него сомнений: «если перевод нужен, то он возможен. Необходимость рождает возможность» (Там же). Иначе говоря, в решении извечного вопроса о «переводимости» прагматика доминирует над лингвистической неповторимостью языков, сталкивающихся в переводе.

Вопрос же о том, когда не нужен перевод, оказывается связанным с требованием соблюдения правила идиоматичности пере-

¹⁴ Как в тексте статьи А.А. Реформатского (Реформатский, указ. соч.: 21).

вода. В художественном переводе идиоматичность — основное требование. Однако есть элементы, которые следует сохранять непереводаемыми. «Следует ли «одомашнивать» до конца текст в переводе?» (Там же), спрашивает Реформатский и отвечает: «Колорит места и времени не должен быть стёрт в переводе, а это связано с сохранением непереводаемым ряда названий, связанных с реалиями быта» (Там же).

К реалиям он относит названия монет, специальностей и должностей, одежды и кушаний и многое другое. «Все эти сохранённые от перевода слова — «ключевые слова». Реформатский и здесь делает оговорку: «Конечно, и здесь нужно знать свои пределы, и если, допустим, мы сохраняем при переводах Диккенса *клерков*, то это ещё не значит, что мы не должны трогать *атторни*» (Там же). Правда, где проходит эта грань, Реформатский не объясняет.

Примечательно, что сохранённые от перевода слова передаются графемами языка перевода, т.е. транскрибируются или транслитерируются (*доллары, лудоры, йены, ксендз, кюре, фиакр*¹⁵). Тем самым Реформатский ещё раз подтвердил, что не считал транскрипцию или транслитерацию переводом. Остаются без перевода и текстовые вкрапления на языке перевода, встречающиеся в текстах художественных произведений, собственные имена, символы.

Корреляция между идиоматичностью и «одомашниванием» возвращает к одному из старейших вопросов перевода, вопросу о «своём» и «чужом» в переводе, который обсуждался задолго до того, как возникла лингвистика как наука (Цицерон, Доле, Шишков, Шлейермахер и многие другие) и до сих пор остаётся в центре современной науки о переводе. Его решение, определяющее стратегию перевода, только лингвистическими методами оказывается невозможным и требует системного трансдисциплинарного подхода.

Завершив анализ лингвистических вопросов перевода, элементов и типов перевода, Реформатский в заключение сформулировал ряд положений, во многом определивших дальнейшее развитие теории перевода в нашей стране. Прежде всего вопросы теории перевода однозначно размещались в лоне лингвистики. «Перевод может и должен быть включён в лингвистическую проблематику», утверждал Реформатский. Это положение соответствовало взглядам Фёдорова и многих других советских языковедов на необходимость именно лингвистического изучения вопросов перевода, проводило размежевание между лингвистической и литературоведческой интерпретациями вопросов перевода.

¹⁵ Примеры Реформатского.

Более того, подобный подход подтверждал необходимость лингвистической подготовки переводчиков и утверждал значимость роли лингвиста в изучении проблем перевода. Дальнейшее развитие науки о переводе подтвердило справедливость такого подхода: большинство наиболее значительных и цитируемых работ о переводе были написаны именно лингвистами.

Определяя лингвистику как единственную отрасль научного знания, без которой нельзя решать вопросы перевода, Реформатский признавал, что в изучении этих вопросов перевода невозможно ограничиться силами одной лишь лингвистики, что не только лингвистика «полномочна решать вопросы перевода» (Там же).

Это положение можно понимать двояко: с одной стороны, Реформатский, возможно, старался примирить лингвистов и литературоведов, скрестивших мечи в поисках некой «истины перевода»; с другой стороны, возможен и более широкий взгляд на концепцию Реформатского в отношении исследования вопросов перевода: лингвистическая сущность переводческой деятельности не опровергает того, переводческие решения имеют не только сугубо лингвистические, но и иные основания.

К сожалению, можно констатировать сегодня, по истечении 70 лет с момента публикации статьи Реформатского, что в научном сознании российских лингвистов запечатлелся лишь тезис, сформулированный выдающимся лингвистом современности в первых строках статьи: такой науки быть не может!

Свидетельством тому служит номенклатура научных специальностей, принятых в современной российской науке, для определения направлений подготовки научных кадров и осуществления научных исследований. В этой номенклатуре науки о переводе как научной дисциплины не существует.

Вся проблематика современной теории перевода более чем лаконично сведена в один абзац научной специальности 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»: «Лингвистическое переводоведение и его основные направления. Языковые и экстралингвистические аспекты перевода. Формы, виды и методы перевода. История перевода и переводческой мысли» (Паспорт 5.9.8., п. 20). Литературоведческие разыскания в области художественного перевода сведены к одному: «Обобщение опыта художественно-переводческой деятельности» (Паспорт 5.9.3., п. 14).

Таким образом, перевод — деятельность с историей, уходящей вглубь тысячелетий, где сегодня человек соперничает с искусственным интеллектом, деятельность, позволившая передачу научных

и культурных знаний от одних народов другим, несмотря на языковые барьеры, обеспечивающая успех географических открытий и дипломатических переговоров, стимулировавшая развитие и совершенствование словесности на разных языках мира, деятельность, где решения принимаются не только с учётом лингвистических, но и этических, социальных, психологических, исторических, этнических, логических и многих других факторов, — в представлении современных организаторов науки не представляет собой объект изучения специальной междисциплинарной отрасли научного знания.

Список литературы

Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: «Международные отношения, 1975. 240 с.

Гоголь Н.В. Ночь перед Рождеством. М.: Муза, 2006. 255 с.

Лесков Н.С. Павлин // Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 томах. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 5. С. 598–604.

Реформатский А.А. Лингвистические вопросы перевода. // Иностранные языки в школе. 1952 г. № 6.

Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

Федоров А.В. Основные вопросы теории перевода. // «Вопросы языкознания», 1952, № 5.

Чуковский К.И. Высокое искусство. // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 3: Высокое искусство; Из англо-американских тетрадей / Сост. Е. Чуковской и П. Крючкова. 2-е изд., электронное, испр. и дополн. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012.

Чуковский К.И. Переводы прозаические. В кн.: Принципы художественного перевода. Статьи К. Чуковского и Н. Гумилева. Издательство «Всемирная литература» при Народном Комиссариате по Просвещению, Петербург, 1919. С. 7–24.

Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М., 1973.

Gogol N. Les veillées du hameau. Traduction de Ch. Trémel et J. Chuzeville. Éditions Du Chêne, Paris, 1946.

References

Barhudarov L.S. (1975) Yazyk i perevod. Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda — Language and translation. Issues of general and partial theory of translation. Moscow: “Mejdunarodnye otnosheniya”. 240 p. (In Russian).

Gogol N. (1946) Les veillées du hameau. Traduction de Ch. Trémel et J. Chuzeville. Éditions Du Chêne, Paris.

Gogol' N.V. (2006) Noch' pered Rojdestvom — Christmas Eve. Moscow: Muza. 255 p. (In Russian).

Leskov N.S. (1957) Pavlin = Peacock. Leskov N.S. Sbranie sochinenij v 11 vol. Volume. 5. Moscow: Sovetskaya Rossiya, pp. 598–604 (In Russian).

Reformatskij A.A. (1952) Lingvisticheskie voprosy perevoda = Linguistic issues of translation. Inostrannye yazyki v shkole. No. 6 (In Russian).

Reformatskij A.A. (1996) Vvedenie v yazykovedenie = Introduction to Linguistics. Pod red. V.A. Vinogradova. Moscow: Aspekt Press. 536 p. (In Russian).

Fedorov A.V. (1952) Osnovnye voprosy teorii perevoda = Main issues of translation theory. "Voprosy yazykoznanija". No. 5 (In Russian).

Chukovsky K.I. (2012) Vysokoe iskusstvo = The Art of Translation: Kornei Chukovsky's a High Art. Sbranie sochinenij v 15 v. Vol. 3: Vysokoe iskusstvo; Iz anglo-amerikanskikh tetradej. Sost. E. Chukovskoj i P. Kryuchkova. 2-e izd., elektronnoe, ispr. i dopoln. Moscow: Agentstvo FTM, Ltd. (In Russian).

Chukovsky K.I. (1919) Perevody prozaicheskie = Prose translations. V kn.: Principy hudojestvennogo perevoda. Stat'i K. Tchukovskogo i N. Gumileva. Izdatel'stvo "Vsemirnaya literatura" pri Narodnom Komissariate po Prosveshcheniyu Peterburg, pp. 7–24. (In Russian).

Shvejcer A.D. (1973) Perevod i lingvistika. = Translation and linguistics. Moskow. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Гарбовский Николай Константинович — профессор, доктор филологических наук, директор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; nikolay.garbovskiy@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Nikolai K. Garbovsky — Dr. Sc. (Philology), Professor, Director of the Higher School of Translation and Interpreting (Faculty), Lomonosov Moscow State University; 119991, Moscow, Leninskie gory, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Building 1-51; nikolay.garbovskiy@mail.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.